

Глава 8

Внутри пещеры, прямо под каменным уступом, где обычно стоял Ян Ло, над огнем водрузили два массивных котла. В них уже добрых полчаса томилось медвежье мясо с дикими травами, а соплеменники, разделившись на две группы, чинно расселись вокруг импровизированного очага.

Стоило поднять взгляд, как взору открывались разложенные на возвышении широкие древесные листья. На них аккуратными рядами теснились куски отварной медвежатины, маринованная рыба-людоед, а также чисто вымытые овощи и лесные плоды. Но куда больше внимания привлекал простой каркас из ветвей, установленный у самой стены. На нём, расправленная и тщательно обработанная золой, висела огромная медвежья шкура. словно величественное настенное полотно, она вмиг преобразила скупое убранство пещеры, придав ему некое суровое величие.

Ян Ло стоял перед этой шкурой, лицом к народу. Его голос, исполненный торжественности и необычного воодушевления, гулко разносился под сводами:

— Зверолюды! Час настал. Пора нам основать собственное племя!

Слова жреца вызвали у присутствующих бурю чувств. Каждый из них отчетливо понимал: пути назад, в прежние племена, больше нет.

Ян Ло не раз повторял, что Север — это обитель Бога Зверей, и смертным запрещено ступать на эти земли, дабы не тревожить вечный сон божества. Ци Бай не знал, существуют ли боги на самом деле, но легенда о том, что северные земли — запретная территория, передавалась из уст в уста во всех известных племенах.

Потому, когда пришло Великое наводнение, никто не бежал на север. Группу, собравшуюся в этой пещере, можно было назвать не столько переселенцами, сколько изгнанниками, которых сама стихия пригнала в эти края. Среди них были и те, кто по старости лет сам покинул сородичей, и те, кто, подобно Ци Баю и Ху Хо, был брошен на произвол судьбы, и даже рабы, бежавшие в суматохе потопа. Жизнь в прежних племенах для большинства из них была чередой лишений, и уход, возможно, стал для них единственным спасением.

Однако в опасном мире звероловов одиночка подобен перекаати-полю: его жизнь хрупка и недолговечна. С тех пор как Ян Ло взял на себя смелость вести их за собой, каждый втайне надеялся на рождение нового племени. Теперь, когда жрец наконец произнес эти слова, люди обрели опору, и никто не подумал возражать.

Всё остальное произошло само собой, словно по велению судьбы.

Ян Ло, разумеется, стал первым жрецом племени. Ци Бай наблюдал за тем, как старик прижимает к груди тщательно отобранную медвежью кость, ставшую его скипетром. Лицо Ян

Ло в этот миг выражало целую гамму чувств: от удовлетворения сбывшейся мечты до легкой, отрешенной грусти.

Хоу Янь же был провозглашен первым вождем. В отличие от невозмутимого жреца, новоиспеченный глава племени явно чувствовал себя не в своей тарелке на столь высоком посту. Повинуясь жесту Ян Ло, он поднялся на каменный уступ, но простоял там в молчании довольно долго. Его смуглая кожа заметно покраснела от смущения, и в итоге он сумел выдать лишь одну фразу:

— Наша жизнь обязательно станет лучше.

Ян Ло в душе посетовал на отсутствие величия у своего будущего соратника, но в то же время остался доволен. Положение жреца в племени всегда было предметом особой заботы для тех, кто пришел со стороны. В отличие от потомственных жрецов, «чужаки» часто сталкивались с сильными вождями, из-за чего их авторитет оказывался под угрозой: их уважали, но к их словам редко прислушивались.

Тем не менее Ян Ло не подошел к выбору вождя спустя рукава — он внимательно наблюдал за каждым. К его сожалению, Лан Цзэ, обладавший наибольшим потенциалом, всё еще считался рабом, а среди остальных выбирать приходилось по принципу «лучший из худших». Так он и остановился на Хоу Яне.

В своем старом племени Хоу Янь был самым обычным рогатым зверолодом. Он обладал всеми достойными качествами: добротой, честностью, трудолюбием, — но ему не хватало той властной искры, что делает мужчину вождем.

Ян Ло мысленно покачал головой. «Ничего, — решил он, — пока я рядом, я шаг за шагом научу его быть настоящим вождем». Как бы то ни было, он наконец стал жрецом, пусть даже его племя пока было крошечным и бедным, а соплеменники казались не слишком надежными. Старик верил: он станет великим жрецом, чье имя будут почитать грядущие поколения.

Впрочем, великие амбиции Ян Ло сейчас никого не волновали — люди перешли к обсуждению куда более насущного вопроса. Избрание жреца и вождя было делом предпрешенным, но как же им называться?

— Думаю, нам стоит стать Племенем Рыбы-Людоеда, — предложила Бао Юэ. Сестра Бао Сина уже вовсю принялась к аромату жареной рыбы и, не в силах сдержать аппетит, предложила первое, что пришло на ум.

— Какое еще «Племя Рыбы-Людоеда»? Медвежатина куда вкуснее! Мы должны быть Племенем Чёрного Медведя! — тут же возразил Ху Мэн. Будучи представителем семейства кошачьих, он, тем не менее, явно предпочитал запах жареного мяса.

— Тогда уж Племя Травы Ли! Это была наша первая пища! — вступила в спор Ту Я, чьей

звериной формой был кролик.

Разговор быстро превратился в шумный балаган. Соплеменники спорили не столько о названии, сколько о том, какое лакомство им больше по душе. В конце концов, с небольшим перевесом победило название Племя Чёрной Горы.

Довод был прост: никто никогда не слышал о племенах, названных в честь еды. А раз они обосновались на горе из черного камня, имя Племя Чёрной Горы подходило идеально. Так любой встречный сразу понимал, где искать их стоянку. В мире первобытных звероловов имена давались легко, просто и без лишних затей.

Ци Бай, услышав решение, тихонько рассмеялся. Лан Цзэ, которого не слишком заботили названия, услышал этот смех и с непониманием взглянул на юношу.

Ци Бай заговорщицки придвинулся к его уху и прошептал:

«На Чёрной горе наверняка живут старые чудища. Неужели и мы теперь превратимся в маленьких монстров?»

Договорив, он снова весело фыркнул. Лан Цзэ лишь повел ухом. Он не совсем понял, что Ци Бай имел в виду под «чудищами», но видел, что тот искренне рад. Так началась летопись места, которое со временем станет легендарным «Городом Чёрного Сияния».

Конечно, сейчас никто и не подозревал, сколь великое будущее их ждет. В головах у всех была лишь одна мысль: «Боги, как же это вкусно!»

Стоило утвердить название, как мясо в котлах и рыба на углях окончательно спели. Ян Ло взмахнул своим костяным скипетром:

— Племя Чёрной Горы, приступайте к трапезе!

Медвежатина, томившаяся на медленном огне, стала настолько нежной, что буквально соскальзывала с костей. Стоило раскусить косточку, как густой, маслянистый мозг дарил небывалый аромат, дурманящий разум. А жареная рыба-людоед, предварительно замаринованная в соке красных плодов, превзошла все ожидания: хрустящая золотистая корочка скрывала нежную, тающую во рту мякоть. Благодаря маринаду исчезла всякая горечь и неприятный запах, остался лишь чистый вкус и тонкий аромат плодов.

Уминая сочное мясо и наслаждаясь дивной рыбой, люди Племени Чёрной Горы чувствовали себя самыми счастливыми существами на свете. О лучшей доле они и мечтать не смели.

Ци Бай же поразился тому, как стремительно взлетел уровень его жизни. Еще позавчера он жевал сырые стебли, вчера довольствовался похлебкой, а сегодня уже пировал, обедаясь

мясом.

Закончив сытный обед, соплеменники, повинаясь жесту Ян Ло, остались на своих местах. Посуда зверолодов не нуждалась в мытье: каждая капля бульона, каждая крошка мяса съедалась без остатка. Ци Бай видел, как маленькие зверолоды, уже явно наевшись досыта, продолжают усердно вылизывать свои каменные чаши.

Надежда на светлое будущее переполняла сердца, но пришло время коснуться вопроса, без которого процветание невозможно. Речь шла о самой важной драгоценности любого племени.

О соли.

Едва прозвучало это слово, как толпа мгновенно притихла. Ян Ло не пришлось даже повышать голос.

— Соль — это кровь племени, — начал жрец. — Без неё наши воины станут слабыми и болезненными. Без неё мы не сможем заготовить припасы на долгую зиму, и тогда наш народ познает вкус голода и смерти.

С этими словами Ян Ло извлек кожаный мешочек.

— Это последние крохи, что у нас остались.

То, что он сделал дальше, заставило людей ахнуть. Зверолоды, сидевшие в первом ряду, даже рванулись к уступу, надеясь подхватить падающее сокровище. Но ничего не упало. Ян Ло перевернул мешочек горловиной вниз и встряхнул его — тот был пуст.

В племени не осталось ни крупицы соли.

Малыши, возможно, еще не осознавали всей глубины беды, но, чувствуя общее напряжение и видя мрачные лица взрослых, они испуганно жались к родителям. Ци Бай знал, что засолка — не единственный способ хранения продуктов, но Ян Ло был прав в главном: зверолодам соль была жизненно необходима. Долгая нехватка соли приводит к нарушению обмена веществ, разрушает мышцы, кости и кровь.

Ян Ло сокрушенно вздохнул:

— Наша первейшая задача — найти соль. Мы обсудили это с вождем Хоу Янем, — он указал на медвежью шкуру и другие меха, сушившиеся неподалеку. — Любой, кто добудет для племени достаточно соли на зиму, получит в личную собственность целую шкуру зверя.

От такого заманчивого предложения даже у Ци Бая перехватило дыхание. По памяти Мао Бая

он знал, что нынешний год сулит недоброе. Мало того что штормы затянулись дольше обычного, так еще и холода наступили слишком рано. Возможно, климат менялся во всем мире, а может, они просто зашли слишком далеко на север. Как бы то ни было, Ци Бай был уверен: зима придет раньше срока и будет небывало суровой.

Звериная форма не у всех была защищена густым мехом, а в человеческом облике зверолоды были практически наги — их «шкура» прикрывала лишь самое необходимое. Проще говоря, они едва отличались от голых людей, и те клочки меха, что у них были, никак не могли спасти от мороза. Поэтому большая шкура, даже если бы она составляла лишь четверть медвежьей, стала бы для Ци Бая спасением в грядущие холода.

Заметив блеск в глазах соплеменников, Ян Ло добавил:

— Даже если вы не знаете точно, где искать, любая вещь, которая поможет нам обрести соль, будет вознаграждена.

Жрец обладал несомненным талантом воодушевлять людей — из толпы тут же посыпались предложения.

— Соль есть в глубоких пещерах, — заговорил один рогатый зверолод. — В моем прежнем племени её добывали именно там: она растет прямо на стенах, твердая, как камень. Но отсюда до тех мест идти не меньше тридцати дней и ночей... — он понуро опустил голову. — К тому же я не знаю, где теперь искать ту дорогу.

Судя по всему, он говорил о залежах каменной соли, но путь туда был потерян вместе с его прошлым.

— Соль можно найти там, где земля гола и бесплодна, — подал голос один из азверолодов. — Старики сказывали, что во время одного из переходов их племя видело край выжженной земли, усеянный белым налетом соли. Но там нечем дышать и нечего есть, зверолоды не могут там жить. Они ушли и больше никогда не встречали подобных мест.

Это явно были солончаки — места, где высокая концентрация соли не дает расти ни единой травинке.

Один за другим люди делились догадками: упоминали соляные плоды, соляные деревья и даже «соленые камни», которые лижут дикие звери. Но никто не вспомнил о море. В памяти Мао Бая Ци Бай не нашел упоминаний об океане — их прежний дом находился в самом сердце континента. Однако для Ци Бая, человека из иного мира, само собой разумеющимся было искать соль в воде.

— В морской воде соли столько, что её невозможно исчерпать, — негромко произнес он. — Если мы найдем море, нам больше никогда не придется о ней беспокоиться.

— А что такое море? Я никогда о нем не слышал, — спросил Бао Син.

— Море — это бескрайняя вода. Она синяя, как небо, а на вкус горько-соленая...

Ци Бай не успел договорить, как один молодой зверолод вскочил с места, перебивая его:

— Ты сказал — море? Там правда так много соли?!

Ци Бай на мгновение опешил от такого напора:

— Да. Соли в море хватит, чтобы запастись на зиму всему континенту, и нам никогда больше не придется её искать.

Юноша буквально запрыгал от возбуждения, пока стоящий рядом соплеменник не схватил его за руку, усаживая на место. Это были братья: младшего звали Ма Лин, а старшего — Ма Шу. Они были беглыми рабами, и Ма Шу очень боялся, как бы его импульсивный брат не натворил бед.

Однако Ма Лин восторженно выпалил:

— Брат! Неужели ты не помнишь ту «воду-людоеда», что мы видели перед тем, как прийти сюда?!

Ма Шу побледнел, в его глазах отразился ужас. Он отчаянно затряс головой:

— В той воде живут исполинские чудовища! Она поглощает любого зверя или воина, что дерзнет подойти слишком близко. И ту воду нельзя пить — от неё жажда лишь сильнее впивается в горло!

Ма Лин, вспомнив о пережитых опасностях, невольно сжался, сожалея о своей вспышке. Но, к его удивлению, Ци Бай просиял. Он вскочил, и его глаза азартно блеснули:

— Это и есть море!